

Фридрих Горенштейн

Почему я пишу

Мне кажется, первоначальный позыв к писательству исходит не от разума, а от некоего врожденного инстинкта. Инстинкт дает о себе знать в ранние годы и, по-моему, где-то совпадает с началом полового созревания. Не хочется так думать о явлении, столь много дающем сердцу, разуму и душе, но что поделаешь: очевидно, природный грех присутствует в физиологической, телесной основе творчества, и непорочного зачатия тут ждать не приходится. Физиологически писательство начинается с чувств мелких, таких как тщеславие и легкомыслие. Это — общее и для малоодаренного дилетанта, и для будущего гения. Со временем эти мелкие чувства, к сожалению, не исчезают, но у одних они остаются ведущими, другие, обретая духовность, подчиняют ей эти чувства, правда, не до конца. Третьи же, со здоровой физиологией, вообще успевают взять писательский инстинкт под контроль разума, и даже, если некоторые из них в дальнейшем продолжают заниматься сочинительством, это лишь укрепляет их нервы, продлевает жизнь и, случается, приносит миллионные состояния, ибо то, чем они занимаются, напоминает писательство лишь внешне. По сути это то же вязание на спицах. Впрочем, вязать тоже надо уметь, но в конце концов, не получилось с вязанием советских идеологических или западных бульварных романов, вполне можно заняться иным, стать комсомольским работником или торговать пивом. А попробуй выйди из игры, если ты упустил момент, когда еще можно было остановиться, и творческий инстинкт возобладал над твоим сознанием. Это значит — игра началась всерьез, и выйти из нее неповрежденным уже невозможно. Потому что глубинному творческому инстинкту плевать — есть у тебя талант или нет, есть у тебя физические и душевные силы или нет, умен ты или нет. Ввязался в игру, играй до конца. Нет таланта, становись литературным аферистом, паясничай, фокусничай словом, а то и просто копайся в грязи, если рядом нет дядьки-цензора и модернистская бесформица освобождает тебя от обязанностей знать основы писательского ремесла.

Профессия писателя сегодня страшно скомпрометирована, и дело не только в том, что она переполнена слишком большим количеством тщеславных пошляков и хитрых шутов. В конце концов, пошляков и шутов на паперти литературного храма всегда хватало. Пустовато стало в самом храме, и если хочешь найти поддержку, получить благословение в смертельной игре, в смертельной борьбе со своим собственным мозгом и собственным сердцем, то спешишь не к теплым, живым ладоням, а к святым могилам, спешишь не в храм, а на кладбище. При том, что лучшие моменты творчества и без того подобны смерти и равносильны смерти, а имя писателя, сумевшего победить свой мозг и одолеть свое сердце, высечено на титульном листе, как на надгробной плите. Мне кажется, такое испытал Лев Толстой у томов "Войны и мира" или Сервантес у "Дон-Кихота". И наверное, потому после значительной книги так трудно воскреснуть, наверное потому после "Войны и мира" Толстой надолго ушел в холодный схематичный морализм. Вот как тяжел и опасен подлинный писательский труд, даже если он не усугублен внешними обстоятельствами.

А если этот труд внешними обстоятельствами усугублен, то с писательством происходит то, чему мы, обитатели двадцатого века, являемся свидетелями. Всемирные деньги захватил в

свои руки всемирный мещанин в его советском или его капиталистическом облике, и он поддерживает и кормит только ту культуру, ту литературу, которая соответствует его потребностям. А это значит, что из-под подлинной литературы выбита ее хлебная опора.

Русская литература девятнадцатого века сумела так быстро достичь мировых высот еще и потому, что она обладала экономической независимостью, поскольку в основном создавалась помещиками, а на багряном закате, когда начали разоряться дворянские гнезда, литературу поддержали образованные меценаты из капиталистов и купцов. Нынешний меценат — это тот же мещанин, в лучшем случае культура нужна ему для забавы. К тому же он жаден, как всякий нувориш, и свое меценатство обставляет рядом материально выгодных для себя условий.

Как известно, две великие политические эпохи — эпоха Петра I и эпоха Екатерины II — работали на появление Пушкина. Теперь все работает против Пушкина, направлено на то, чтобы Пушкин не появился. Но как бы ни злобствовали внутренние и внешние враги литературы, как бы ни юродствовали они, стоя вокруг креста, ни зубоскалили, ни бросали комья грязи в лицо Страдалице, как бы ни надсмехались над ее сердцем, их все равно одолевает страх перед Воскресением, ибо мещанский век близится к концу и видны уже грозные знамения.

И все-таки сама по себе литература не сойдет с креста, не воскреснет. Ей надо помочь. Что ей поможет? Не пустое славословие, не богемные праздники, не фальшивый хрущевский ренессанс, родивший вместо Пушкина и Пастернака — Евтушенко. Распятая нуждается в скромной затворнической вере и повседневном, бытовом труде.

Я тоже причисляю себя к верующим, и потому тружусь ежедневно, пишу ежедневно с терпением и надеждой.

Журнал «Страна и мир», номер 6, 1985